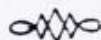

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL of ANCIENT HISTORY

3 (141)

Июль — Август — Сентябрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД
ОСНОВАН В 1937 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1977

И. С. Клочков
«ПОВЕСТЬ ОБ АХИКАРЕ»:
ИСТОРИЧНОСТЬ ЛИТЕРАТУРНОГО ГЕРОЯ

ИСТОРИЯ Ахикара, мудрого советника ассирийских царей Санхериба и Асархаддона¹, привлекла внимание европейских ученых уже более 250 лет назад: хранитель Ватиканской библиотеки Ассемани, сириец по происхождению, первым отметил сходство повести о «Хикаре» с биографией Эзопа². С тех пор об этой повести (или романе, как предпочитали называть данное повествование некоторые исследователи) были написаны сотни книг и статей. Удалось обнаружить арамейскую, сирийскую, арабскую, армянскую, греческую, ряд славянских и румынскую версии повести и достаточно надежно определить отношения между ними; к изречениям Ахикара были найдены многочисленные параллели в книгах Ветхого Завета; специально исследовались отдельные фольклорные мотивы, использованные в повести, и т. д.³ Многое, конечно, все еще остается неясным и прежде всего — вопрос о происхождении повести, о языке древнейшего оригинала⁴. Настоящая статья, однако, посвящена иной

¹ Напомним содержание повести. Ахикар, бездетный визирь ассирийского царя, усыновил и воспитал своего племянника Надана. (Значительную часть повести составляют моральные поучения, с которыми Ахикар обращался к Надану.) Состарившись, он передал свою должность Надану. Племянник оказался человеком неблагодарным и коварством добился от царя приказа казнить Ахикара. Ахикар упрямился и спрятался в тайнике. Прослышав о смерти мудрого Ахикара, египетский царь потребовал от ассирийцев решить несколько загадок и выполнить три трудных задания или же уплатить «трехлетнюю дань». Ни Надан, ни другие советники не брались за столь сложное дело, и царь горько пожалел о гибели Ахикара. Узнав об этом, Ахикар явился к царю, а затем отправился в Египет, блистательно выполнил свою миссию и вернулся с богатой данью. Царь выдал Надаму Ахикара, и тот застыдил (и засек — добавляют некоторые версии) неблагодарного племянника до смерти.

² *Bibliotheca orientalis Clementino-Vaticana*, t. III, pars 1, 1724, стр. 286. Ассемани, очевидно, имел в виду вторую часть планудовой биографии Эзопа (XIV в.), т. е. рассказ о службе Эзопа у вавилонского царя, к которому он попал, побывав у Ксанфа и Креза.

³ Обширный обзор старой литературы см. в книге: А. Д. Г р и г о р ь е в, *Повесть об Акире Премудром*, М., 1913.

⁴ Самая ранняя из известных версий — арамейская; текст сохранился на папирусе V в. до н. э., а создан был, вероятно, лет на сто раньше (J. P r i t c h a r d (ed.), *Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament*, 2nd ed., Princeton, 1955 (далее — ANET²), стр. 427). Э. Эбеллинг считал его переводом с позднейшего аккадского оригинала (RLA, I, стр. 15—16). Э. Райнер показала, что в Вавилонии существовали, во всяком случае, обе главные темы, послужившие основой для повести об Ахикаре — тема опалы и возвращения царского советника и тема неблагодарного человека (родственника?), причем они, по-видимому, были как-то связаны друг с другом (E. R e i n e r, *The Etiological Myth of the «Seven Sages»*, Or, 30,

проблеме, а именно — проблеме соответствия героев повести реальным персонажам ассирийской истории.

Реалии повести, действие которой разворачивается в Ассирии, при дворе Санхериба (по арамейской версии — Асархаддона)⁵ и в Египте у безымянного фараона⁶, точно соответствуют описываемой эпохе. Это относится и к мелким подробностям рассказа и особенно к именам собственным: ассирийские имена узнаются в сирийской, арабской и даже славянской передаче. Главные герои повести, Ахикар и его племянник Надан, упомянуты в Книге Товита (I, 21—22; II, 10; XI, 17; XIV, 10); кроме того, об Ахикаре говорят раннехристианские и классические авторы. Климент Александрийский (*Stromates*, I, 15) и Евсевий Памфил (*Praeparat. evangel.* X, 4) сообщают, что философ Демокрит (460—370 гг. до н. э.) принес в Грецию от вавилонян «Ахикаровы» изречения. По свидетельству Диогена Лаэртского (V, 50), Теофраст (около 372—287 гг. до н. э.) написал сочинение под заглавием *Αχιχάρως*. В прошлом веке было высказано вполне обоснованное мнение, что об Ахикаре говорится и у Страбона (XVI, II, 39)⁷.

Верный исторический фон повести, а также эти свидетельства, в которых, правда, не содержится конкретных подробностей об Ахикаре, привели к тому, что многие исследователи поверили в историчность этого лица, а в самой повести увидели отражение действительных событий времени царствования Санхериба и Асархаддона. Начались интенсивные поиски реальных персонажей ассирийской истории, послуживших прообразами героев повести. Одновременно предпринимались попытки связать отдельные эпизоды повести с историческими событиями первой половины VII в. до н. э. К числу наиболее простодушных следует отнести попытку А. Д. Григорьева точно датировать повесть 674 годом до н. э. главным образом на том основании, что «повесть ничего не знает о действительном покорении Египта Асархаддоном»⁸.

Более интересными, если не плодотворными, оказались старания исследователей найти реальные прототипы героев повести. Некоторые из обнаруженных соответствий кажутся правдоподобными. Так, А. Т. Э. Олмстед утверждал, что Набусемак, который сохранил жизнь Ахикару, есть не кто иной, как Набу-шум-ишкун, царский колесничий и «командир конницы» (?)⁹, фигурирующий в новоассирийских документах и письмах¹⁰. Судя по тому, что Набу-шум-ишкун пишет царю о важных чиновниках

1961, стр. 7—8). Дж. Гринфилд заметил, что если сама повесть написана на «официальном арамейском» языке и содержит аккадизмы, то язык вставленных в ее канву поучений — арамейский диалект Северной Сирии, свободный от аккадизмов. По его мнению, новоассирийского оригинала поучений Ахикара могло и не быть; вполне вероятно, что эти изречения изначально передавались и письменно и устно по-арамейски (J. C. Greenfield, *The Background and Parallel to a Proverb of Ahiqar*, «*Homages to André-Sommer*», P., 1971, стр. 50, 59).

⁵ В греческой биографии Эзопа — у «вавилонского царя Ликера/Ликура/Ликурга».

⁶ В биографии Эзопа фараон назван по имени — Нектенабо; очевидно, имелся в виду Нектанеб I или II (380—363 и 360—343 гг. до н. э.).

⁷ *παρά δὲ τοῖς Βαβυλωνίοις Ἀχιχάρως*; как полагают многие исследователи (см. Григорьев, *Повесть...*, стр. 89), здесь слово *Βαβυλωνίοις* стоит ошибочно вместо *Βορσипπῶν*. Эти *борсиппены*, по всей вероятности, — вавилонские ученые из Борсиппы.

⁸ Григорьев, *Повесть...*, стр. 94—96.

⁹ A. T. Olmstead, *Intertestament Studies*, JAOS, 56 (1936), стр. 243.

¹⁰ ADD 253 : 6-7...] . . . ^{md}nabû-šum-iškun^{un}

^{lu}mukil^{kuš}appâte^{meš} ša^{md}sîn-aḥḥe^{meš}-riba

Относительно mukil appāti см. CAD A₂, стр. 182 сл.

(^{lú}rešē^{meš} — ABL 779) и видном военачальнике (^{lú}šanúú šá ^{lú}tur-tan-ni — ABL 428), а также о ходе строительства царского дворца (?) — (^{bīt}bēlē^{meš}-^{ia} — ABL 778)¹¹, человек этот действительно был приближенным царя и заметной фигурой при дворе¹².

Едва ли однако убедительно предложенное Олмстедом отождествление Надана повести с Надином из документов ABL 393, 394, 395, 767, 1111 и ADD 60, 368. Из документа ABL 1111 можно заключить, что Надин, о котором идет речь, пользовался большой властью, но этого, разумеется, явно недостаточно для того, чтобы считать его прообразом Надана из повести об Ахикаре. К тому же это усеченное имя было весьма распространено в новоассирийское время (см., например, RMA 144 D, 226, 274F).

Ахикара повести А. Т. Олмстед увидел в человеке по имени Ahī-ia-qar¹³, о котором говорится в документах ABL 1093 и ADD 251, 468. В документе о продаже двух рабов (ADD 251, rev. 3) этот Ахиякар выступает в качестве свидетеля: IGI ^mPAp-ja-qar^{lú} [...]. В деловом документе ADD 468), датированном 698 г. до н. э., его называют «вторым чиновником из Бархальзы» (šānūú ša ^{uru}bar-ḫal-za), а в письме ABL 1093 сообщается, что Ахиякар, *битсинибниец*¹⁴, инспектировал каких-то мелких чиновников и беседовал с областеначальником (^{lú}bēl pāḫāti) Дера. Положение его было, по-видимому весьма скромным.

Ничтожность поста, занимаемого этим человеком, помешала В. фон Зодену признать в нем прообраз Ахикара повести¹⁵. Если Олмстед искал прежде всего соответствия имен, то фон Зоден старался найти при дворе ассирийских царей людей со сходной судьбой, а соответствие имен не считал обязательным. Круг придворных ученых, советников и крупных чиновников времени правления Санхериба и Асархаддона достаточно хорошо известен, и фон Зодену удалось найти в источниках человека, биография которого несколько напоминает жизненный путь Ахикара. Им оказался Адад-шум-уцур, царский заклинатель (^{lú}MAŠ.MAŠ ša MAN), служивший при Санхерибе, Асархаддоне и Ашшурбанапале и пользовавшийся огромным влиянием при дворе¹⁶. От него дошло несколько десятков писем, отличающихся стилистическим изяществом и полных пословиц и афоризмов (ABL 1—6, 32, 183, 332, 357—365, 549, 650—660, 1376 п, возможно, 870, 894, 1099 и др.)¹⁷. В письмах к Асархаддону он называет себя стариком (LAS 126), что согласуется с возрастом Ахикара в повести. Кроме того, Адад-шум-уцур просит у царя дать придворную должность его сыну Арад-Гуле (ABL 2, 657), и из документов ABL 117 и 118 видно, что Арад-Гула выполняет обязанности своего отца при дворе. Это также соответствует рассказу об Ахикаре, который передал усыновленному племяннику свою придворную должность. Документы ничего не сообщают о кознях Арад-Гулы против отца, но из письма ABL 659 ясно, что Адад-

¹¹ Письмо, вероятно, относится к первым годам правления Ашшурбанапала.

¹² Известен еще один Набу-шум-ишкун, автор многих астрологических писем к ассирийским царям (R. C. Thompson, The Reports of the Magicians and Astrologers of Nineveh and Babylon, L., 1900 (далее — RMA), 215, 17, 41, 95, 151, 223 A, 230, 277 AD и 190; последнее датируется 675 г. до н. э.). См. Simo Parpola, Letters from Assyrian Scholars to the Kings Esarhaddon and Assurbanipal, p. II A, Neukirchen, 1971, стр. 12*, 19*.

¹³ Имя означает «Брат мой дорогой».

¹⁴ ABL 1093, obv. 7: ^mahī-ja-qar ša amēl ^{uru}bīt-^dsīn-ib-ni.

¹⁵ W. von Soden, Die Unterweltvision eines assyrischen Kronprinzen, ZA, 43, 1936, стр. 10.

¹⁶ Там же, стр. 10—12.

¹⁷ Более полно письма и документы, имеющие отношение к Адад-шум-уцтуру, указаны в книге: Parpola, Letters..., стр. 28.

шум-уцур попал в немилость и был сослан¹⁸. Позже он, кажется, был прощен (ABL 620).

Отождествление, предложенное В. фон Зоденом, было принято исследователями¹⁹, хотя оно и не бесспорно. История Адад-шум-уцура все-таки довольно банальна: любой из ассирийских вельмож стремился передать свое место при дворе сыну и мог попасть в немилость.

В 1962 г. Й. Ван Дейк опубликовал исключительно интересный текст из Урука, который дал новый материал для размышлений и поисков²⁰ (к сожалению, насколько нам известно, этот текст не получил еще всестороннего освещения²¹). Названный документ W 20 030, 7 представляет собой список древних мудрецов и ученых с указанием царей, при которых они жили. В строках 19—20 читаем: [ina tar-ṣi] m^daššur-aḥ(ŠEŠ)-iddi-na(MU) šarri m^a-ba-^denlil(50)-da-ri um-man-nu [ša¹⁶]aḥ-la-MI-mu-ú i-qab-bu-ú m^a-hu-'u-qa-a-ri [«При царе Асархаддоне — ученый Аба-Энлил-дари, [которого] арамеи называют Ахикаром»].

Текст, конечно, очень поздний и, возможно, несет следы эллинского влияния. Это видно уже из датировки его по эре Селевкидов (147 г. = 165 г. до н. э.): в Месопотамии до прихода греков существовали другие системы летосчисления. Кроме того, не исключено, что и сам составитель списка, Ан-бел-шуну, сын Нидинту-Ана, потомок Син-лики-уннинни, был достаточно «эллинзирован», быть может, даже женат на гречанке Дионисии, дочери некоего Гераклита²². И тем не менее, мы все же можем взять на себя смелость утверждать, что данный текст в целом отражает древнюю вавилонскую традицию. Составление списков царей и их советников («визирей») было весьма распространено в Вавилонии и Ассирии первой половины I тыс. до н. э. Так, например, в синхронистических списках царей Ассирии и Вавилонии нередко отмечаются и их ummānu (Assur 14616 с IV 13). Известны пространные списки ученых, служивших при дворе последних ассирийских царей (K 1276 = ADD 851, см. Parpola, Letters..., стр. 5*). Вполне вероятно, что память о наиболее именитых из них долгое время сохранялась в ученой среде. Таким образом, сама идея урукского списка вполне соответствует вавилонской традиции; то же можно сказать и о реализации этой идеи.

Урукский текст начинается с перечисления семерых допотопных царей и семерых мудрецов (arkallē), живших при них. Список мудрецов открывает u⁴-^dan, т. е. Оаннес Бероса. Г. Комороци убедительно доказал, что переданное Беросом предание о семи допотопных мудрецах восходит к древним шумерским источникам²³. Имена допотопных царей в урукском списке показывают, что его составитель был прекрасно знаком с древними

¹⁸ Олмстед связывал падение Ахикара с гаремными интригами в конце царствования Асархаддона, когда пострадали многие видные вельможи: O l m s t e a d, *Inter-testament Studies*, стр. 243, со ссылкой на кн. A. T. O l m s t e a d, *History of Assyria*, N. Y. — L., 1923, стр. 386—404.

¹⁹ См. вводные замечания Гинсберга к переводу арамейской версии повести: ANET², стр. 427.

²⁰ UVB XVIII, табл. 27, стр. 43—52.

²¹ Частично текст был исследован Холоу: W. W. H a l l o, *On the Antiquity of Sumerian Literature*, JAOS, 83, 1963, стр. 167—176.

²² Если, конечно, наш Ан-бел-шуну и Ав-бел-шуну из документа VAS XV, 13 (146 г. до н. э.) одно и то же лицо, что в общем-то маловероятно. Об этом документе см. Г. Х. С а р к и с я н, Греческая ономастика в Уруке и проблема Граско-Babylonia, «Древний Восток», 2, Ереван, 1976, стр. 189 сл. Составитель урукского списка, потомственный писец, упомянут, как нам любезно сообщил Г. Х. Саркисян, еще в двух текстах — BRM II, 37, 38.

²³ G. K o m o r ó c z y, *Berosos and the Mesopotamian Literature*, «Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae», t. XXI, fasc. 1—4 (1973), стр. 142—151.

царскими списками²⁴. Упомянутый в тексте *umtânu* Энмеркара, Нунгаль-пириггаль, «слушивший Иштар с небес в Эанну», известен также по изданному Э. Райнер тексту о семи мудрецах²⁵. Часть списка, содержащая сведения (часто неверные) о времени жизни послепотопных ученых (*umtânu*) называет ряд лиц, по-видимому, исторических, большинство из которых известны по ассирийским литературным каталогам как авторы различных произведений.

Все это говорит в пользу того, что автор-эрудит, создавая этот список, не только опирался на какие-то древние источники, но и в целом находился в русле старой вавилонской традиции. Другое дело, разумеется, насколько эта вавилонская традиция достовернее построений современных исследователей. Но, как бы то ни было, игнорировать ее нельзя²⁶.

Итак, урукский список мудрецов и ученых называет Ахикаром арамея (очевидно, имеется в виду Ахикар — герой нашей повести) некоего Аба-Энлиль-дари. Среди близкого окружения Санхериба, Асархаддона и Ашшурбанапала человека с таким именем не было. Как уже говорилось выше, круг придворных этого времени хорошо известен; если бы Аба-Энлиль-дари занимал сколько-нибудь заметное положение при дворе, его имя непременно встретилось в огромном корпусе новоассирийских писем. Этого не случилось, однако такой человек все же существовал, и кое-какие следы загадочного Аба-Энлиль-дари удалось отыскать.

Имя Аба-Энлиль-дари уникально; в клинописных текстах оно встречается всего несколько раз и, по-видимому, относится к одному и тому же человеку, жившему, по всей вероятности, в первой половине VII в. до н. э. Прежде всего, это имя мы находим в новоассирийской табличке из библиотеки Ашшурбанапала²⁷; тут собраны редкие неаккадские имена и даны их аккадские эквиваленты. В колонке III, стк. 42 стоит шумерское имя *ma.ba.enlil(50).da.gi* и его аккадское соответствие — *man-nu-ki-ma^den-lil-ḫa-tin* («Кто как (не) Энлиль защитник?»). Следует сразу отметить, что в этой же колонке (сткк. 35 и 44) мы видим имена еще двух *umtânu* из урукского списка *md^dsi.du* (= *md^den-lil-ib-ni*) и *m^šgú.zi.in.a* (= *m^ésag-gil-ki-in-ar-li*)²⁸. Второй известен как редактор «серии» медицинских текстов *sa.gig* и современник вавилонского царя Набу-апла-иддина (около 870 г. до н. э.)²⁹, тогда как первый, по предположению У. Ламберта, возможно, был редактором эпоса об Атрахасисе³⁰. Остальные имена в этой части таблички также принадлежат ученым и писцам³¹. Уже сами эти имена, шумерские или, во всяком случае, переданные по-шумерски, свидетельствуют об учености их владельцев. Неудивительно, что среди них мы встречаем и имя *umtânu* Аба-Энлиль-дари. Кстати, термин *umtânu* совсем не обязательно должен означать «царский секретарь» или «главный писец»³²,

²⁴ Там же, стр. 136.

²⁵ Reiner, ук. соч., стр. 2—5.

²⁶ Дж. Гринфилд, упомянув о возможности отождествления Ахикара и Аба-Энлиль-дари, продолжает: «но я думаю, что в поисках происхождения Ахикара нужно обратиться к арамейским племенам. Мать Асархаддона, Закуту-Накия, была арамейкой. Она была очень влиятельна при дворах и своего мужа Санхериба, и сына Асархаддона и, по всей вероятности, покровительствовала бы арамейскому *umtânu*» (Greenfield, *The Background...*, стр. 50). Не очень сильный аргумент!

²⁷ H. Rawlinson (et al.), *The Cuneiform Inscriptions of Western Asia, L., 1861—1891, V, 44*. Транслитерацию см. W. G. Lambert, *Ancestors, Authors and Canonicity, JCS, XI, 1957, стр. 12—13*.

²⁸ UVB XVIII, табл. 27, см. соответственно сткк. 14 и 16.

²⁹ Lambert, *Ancestors...*, стр. 6.

³⁰ W. G. Lambert, *A Catalogue of Texts and Authors, JCS, XVI, 1962, стр. 72*.

³¹ Там же, стр. 76.

³² К такому мнению склонялся Дж. Бринкман: J. A. Brinkman, *A Political History of Post-Kassite Babylonia, Roma, 1968, стр. 27*.

но может также значить «советник», «наставник», «мастер» и «ученый»³³; именно в этом последнем значении он, по-видимому, и был употреблен в урукском списке.

Следующее свидетельство об Аба-Энлиль-дари — приписка в конце таблички с текстом молитвы³⁴: nlibru^{k1} é ma.ba.enlil(50).da.ra — «Нипшур, дом Аба-Энлиль-дари».

Отсюда можно заключить, что ученый жил в Нипшуре, а не при ассирийском дворе. Косвенное подтверждение этому мы находим в нескольких деловых документах из персидского Нипшура. В документе о продаже дома, датированном I годом правления Кира (538 г. до н. э.), в качестве свидетеля выступает некий Нинурта-шум-иддин, сын Мураши-зера, потомок Аба-Энлиль-дари³⁵. В долговой расписке, датированной 4 годом Камбиза (525 г. до н. э.), Нинурта-ах-иддин, сын Нинурта-ах-ушабши, потомок Аба-Энлиль-дари, дает в долг 20 *кур* ячменя³⁶. Еще один потомок ученого, Данниа, сын Надина, известен по документам из Нипшура и его окрестностей, датированным первыми четырьмя годами царствования Дария II (423—419 гг. до н. э.). Речь в них идет о внесении арендной платы с полей, а Данниа почти всегда открывает список свидетелей³⁷.

Все вышеизложенное дает, как нам кажется, основание утверждать, что Аба-Энлиль-дари, или иначе — Манну-кима-Эллиль-хатин, которого хорошо осведомленный поздневавилонский составитель урукского списка отождествляет с Ахикаром арамея (и, следовательно, почти несомненно, Ахикаром повести), был ученым и известным автором³⁸, жившим в Нипшуре не позднее времени царствования Ашшурбанапала. Его более прозаические потомки продолжали жить в том же городе спустя 250 лет.

В древних источниках можно найти еще одно сообщение о родственниках Ахикара, героя повести. Мы имеем в виду Книгу Товита I, 21, где утверждается, что Ахикар был племянником Товита, сыном его брата Анапла³⁹. Это утверждение оспаривали многие исследователи прошлого века, принимавшие и Товита, и Ахикара за исторических лиц. Притязания на родство с этой стороны решительней других отметил А. Д. Григорьев. Указание на Ахикара в Книге Товита, по его мнению, говорит лишь о том, что повесть была известна евреям «еще задолго до Р.Х. Но, — продолжает Григорьев, — оно не может свидетельствовать о том, что Ахикар был действительно евреем и родственником Товита. Последнее было бы допустимо только тогда, когда и в самой повести были бы указания на то, что Ахикар был племянником Товита и имел с ним какие-нибудь дела. Так как этого в повести нет, то следует думать, что Ахикар ни в каком родстве с Товитом на самом деле не был и что это родство, как и помощь Ахикара Товиту и посещение первым второго, были придуманы автором книги Товита для того, чтобы, во-первых, связать героя популярной в семитской Азии повести с героем своего произведения и обратить на последнее сразу общее внимание, а во-вторых, дать евреям в лице Ахикара надежду на то, что они, лишившись собственного государ-

³³ Parpola, Letters..., стр. 6—7.

³⁴ L. W. King, Babylonian Magic and Sorcery, L., 1896, № 35.

³⁵ BE VIII/1, 58 : 38.

³⁶ BE VIII/1, 80 : 2.

³⁷ BE X, 71 : 13—14; PBS II/1, 60 : 12; 84 : 12; 175 : 11; 202 : 12.

³⁸ В урукском списке указаны не просто ученые, а по-видимому, известнейшие древние авторы: среди них — Син-лики-униинни, редактор эпоса о Гильгамеше; Кабти-илани-Мардук, создатель эпоса об Эрре; Эсагил-кини-уббиб, автор «Вавилонской теодицеи».

³⁹ Параллельные греческий, латинский и др. тексты всех касающихся Ахикара отрывков Книги Товита см. в книге: Григорьев, Повесть..., стр. 66—73, 85—87.

ства, могут и в государствах своих победителей достигать высших ступеней и помогать своим сородичам»⁴⁰.

Само по себе установление (или опровержение) реального родства между литературными персонажами, конечно же, — не более чем курьез, но в словах А. Д. Григорьева есть и доля истины. Действительно, в Книге Товита (XIV, 10) ссылка на историю Ахикара и Надана дается мимоходом, как на нечто общеизвестное, что говорит о большой популярности повести об Ахикаре в среде потенциальных читателей Книги Товита. Поэтому логично предположить, что указание на родство между Товитом и Ахикаром (при старшинстве первого!) должно было служить целям популяризации новой книги. Указания на родственные связи, будто бы существовавшие между Товитом и Ахикаром, внутренне не мотивированы (роль Ахикара в развитии сюжета ничтожна) и, очевидно, были нужны лишь для повышения престижа героев повествования, да и всей книги в целом.

Следует также добавить, что Ахикар Книги Товита — влиятельное лицо при дворе Санхериба, помогающее Товиту, представляет собой, как было давно замечено⁴¹, излюбленный тип героя ветхозаветной литературы. Достаточно вспомнить Даниила при Навуходоносоре, помогающего Седрахе и его друзьям, Зоровавеля у Дария, выведшего из плена часть своих соплеменников, Мардохея у Ксеркса, получившего второе место после царя, Ездру и Неемию при Артаксерксе Лонгимане... Ахикар повести, царский советник и хранитель печати — интересная и выгодная фигура, внешне весьма близкая к этим образам, что, вероятно, и соблазнило автора Книги Товита включить его, слегка «подретушировав», в свое повествование.

Заканчивая статью, мы хотели бы кратко изложить свое мнение по существу затронутой проблемы.

Ахикар повести, скорее всего, не имел близкого прототипа среди реальных персонажей ассирийской истории.

Повесть об Ахикаре получила столь широкое распространение, по-видимому, благодаря включенным в нее многочисленным моральным наставлениям. Именно эти афоризмы житейской мудрости привлекали прежде всего средневекового, да и древнего читателя.

Известно, что в Вавилонии особая мудрость традиционно связывалась с высшим царским советником («взирем») ⁴². Возможно, сама повесть возникла в результате того, что с автором известных моральных поучений (или человеком, который считался таковым) связали ряд традиционных тем (опалы и возвращения царского советника, неблагодарного родственника) и фольклорных мотивов (состязания в мудрости, решения трудных задач и т. д.).

Не исключено, что этим автором был (или всеми признавался) ниппурский *umšânu* Аба-Энлил-дари, или иначе — Манну-кима-Эллиль-хатин, хотя вполне возможно, что составитель урукского списка сам, так сказать, «историзировал» персонаж повести, отождествив его с ниппурским ученым. По своему происхождению ниппурский ученый мог быть и арамеом, принявшим весьма вычурное и искусственное имя Аба-Эллиль-дари. Однако строить предположения о происхождении и прежнем имени этого человека было бы сейчас слишком смело.

Вопрос об историчности Товита выходит за рамки настоящей работы. Заметим лишь, что в клинописных источниках встречаются имена, кото-

⁴⁰ Григорьев, Повесть..., стр. 87—88.

⁴¹ O. F. F r i t z s c h e, Kurzgefasstes exegetisches Handbuch zu den Apocryphen des Alten Testaments, II, Lpz, 1853, стр. 32; W. E r b t, Die Purimsage in der Bibel, B., 1900, стр. 46—56.

⁴² R e i n e r, ук. соч., стр. 8—9.

рые могут быть отождествлены с именем Товит⁴³. Однако известный нам Tābīja, автор астрологических докладов Асархаддону (RMA 12, 71, 73, 193, 222, 243 A, 260), едва ли имел что-либо общее с благочестивым героем Книги Товита⁴⁴.

THE TALE OF AHIQAR: HISTORICAL ANTECEDENTS
OF A LITERARY HERO

I. S. Klotchkoff

The author critically examines attempts to identify Ahiqar, hero of a well known romance, with real personages in Assyrian history. In his opinion the Ahiqar of the story most probably had no real prototype. The story won wide popularity apparently because of the practical wisdom of the aphorisms contained in it; also Babylonian tradition attributed special wisdom to the king's councillors. The romance itself appears to have resulted from a process of accretion, the attachment of several traditional story themes and folklore motifs to an author of a collection of familiar moral precepts. The original author possibly was, or was believed to be, the Nippur *ummānu* Aba-Enlil-dari (Mannu-kīma-Enlil-ḫatin), but it is also possible that the compiler of the Uruk list of wise and learned men (UVB VIII, tabl. 27) himself «historicised» the hero of the romance, identifying him with a learned man of Nippur.

⁴³ См., например, K. Tallqvist, *Assyrian Personal Names*, Helsingfors, 1914, стр. 236.

⁴⁴ К сожалению, нам осталась неизвестной работа Дж. Гриффилда «о взаимоотношениях Ахикара и Товита». В издании, где предполагалась публикация этой статьи (см. Greenfield, *The Background...*, стр. 49), она не появилась. О времени создания и авторе Книги Товита см. И. М. Дьяконов, *История Мидии*, М.—Л., 1956, стр. 41—42.